

ИДЕОЛОГИЯ ЗОЛОТОГО ВЕКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ*

Дидактические материалы к урокам всемирной истории по темам
«Римские императоры», «Рим — столица империи» (V класс),
«Древний Рим: от общины к империи» (X класс)

*Алексей Бирюков, старший преподаватель кафедры всеобщей истории
Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова*

Аннотация. Материалы статьи могут быть использованы учителями при разработке тем уроков по истории древнеримского общества, например тем «Римские императоры», «Рим — столица империи» (V класс), «Древний Рим: от общины к империи» (X класс).

Содержащаяся в статье информация углубит знания учащихся об особенностях общественной и политической жизни в эпоху Римской империи. Факты и обобщения активизируют установление межпредметных связей с историей литературы, культурологией, обществоведением. Их можно использовать на факультативных занятиях по истории в старших классах.

* Научная статья. Поступила в редакцию 10.02.2010 г.

The article deals with the development of the main ideas of the so-called «Roman myth», including the superiority of the Romans, the eternity of Rome and its global mission to rule the world, in the Antonine epoch, which is usually referred to as the «golden age» of the Roman Empire. The socio-political characteristics of that period are given, accenting the construction of the official imperial ideology based on the imperial and the city of Rome cults. The ideological process is considered through the analysis of the numismatic materials and the patterns of the social thought of the regarded period, in particular, private and state correspondence («Epistulae») of Pliny the Younger, his Panegyric to Emperor Trajan and famous «Encomium Romae» by Aelius Aristides. The study of the mentioned sources made it possible to reconstruct the «Roman myth» in its completed form.

Введение. В статье рассматривается развитие идей так называемого римского мифа — представлений о превосходстве римлян, о вечности Рима и его цивилизаторской миссии — в эпоху Антонинов, которую принято называть золотым веком Римской империи. Указаны социально-политические характеристики данного периода, в том числе завершение формирования официальной имперской идеологии, в которой ключевое место занимал культ императора и города Рима. Для анализа идеологических процессов привлечены нумизматический материал и образцы общественной мысли того времени, прежде всего частная и государственная переписка Плиния Младшего, его панегирик императору Траяну, а также знаменитое произведение «Похвала Риму» греческого ритора Элия Аристиды. На основе анализа указанных источников сделаны выводы о структуре «римского мифа» в его завершённом виде.

Основная часть. Эдуард Гиббон, открывая свою знаменитую «Историю упадка и гибели Римской империи», утверждал: «Если бы у кого-нибудь спросили, в течение какого периода всемирной истории положение человеческого рода было самое счастливое и самое цветущее, он должен был бы без всяких колебаний назвать тот период, который протёк от смерти Домициана до восшествия на престол Коммода» [1, с. 12].

Довольно продолжительный период римской истории (с 98 по 192 г. н. э.) принято называть «веком Антонинов» — по имени правящей династии. Иногда к ней причисляют принцепса Нерву (96—98). Древнеримские авторы несколько сужали рамки данного периода, выделяя эпоху правления «пяти хороших императоров» — Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия (96—180). В целом сложилась устойчивая историографическая традиция называть II в. н. э., т. е. период правления Антонинов, золотым веком Римской империи.

Для подобных атрибуций есть весомые исторические основания. Упомянутый нами Э. Гиббон давал такую характеристику рассматриваемому периоду: «Во втором столетии христианской эры владычество Рима обнимало лучшую часть земного шара и самую цивилизованную часть человеческого рода. Границы этой обширной монархии охранялись старинной славой и дисциплинированной храбростью... Царствования Адриана и Антонина Пия представляют приятную картину всеобщего мира. Римское имя было уважаемо у самых отдалённых народов земного шара. Самые надменные варвары нередко обращались в своих распрях к посредничеству императоров» [1, с. 10].

Второй век начался серией победоносных войн Траяна в Дакии и Месопотамии, когда Римское государство в последний раз расширило границы и империя достигла своих максимальных пределов. В пространстве рубежи её совпадали с границами греко-римской цивилизации, но в сознании античного человека — с границами самого мироздания — «Зевсова полиса», как позднее выражался император и философ Марк Аврелий (Meditat., IV, 23).

Далее последовали десятилетия относительного мира, когда римляне не вели крупных войн. Внутривластная жизнь империи была организована также весьма стабильно: между императорами и сенатом сложился очевидный консенсус, смена власти и текущее управление государством более не сопровождалось острыми кризисами (прежде всего благодаря системе усыновлений — «адоптаций», — когда император заранее выбирал своего преемника, а сенат утверждал это решение). Наконец II век — это время расцвета муниципальной жизни и устойчивого экономического развития средиземноморского мира.

Такой позитивный образ «века Антонинов» надолго закрепился в сознании самих

римлян — прежде всего из-за разительного контраста с дальнейшим периодом римской истории. Уже в конце II в. началась очередная гражданская война за императорский титул, разгорелись вооружённые конфликты с соседями. Третий век вошёл в историю как эпоха перманентного внутривосточного кризиса и нескончаемой борьбы с варварскими вторжениями. Лучшее время империи, её золотой век в самом деле остались позади. И это прекрасно осознавали современники.

Итак, видимой чертой «века Антонинов» стало всеобщее умиротворение, словно воплотившее провозглашённое ещё Октавианом Августом наступление «римского мира» — *Pax Romana*. В эту идеологему вкладывался конкретный смысл: Рим смог покорить своей воле «круг земель», т. е. практически весь известный на то время мир, и принёс себе и побеждённым народам счастливое время, золотой век, когда всё человечество сможет наслаждаться благополучием и процветанием под римским управлением и под защитой римского оружия. Самое имя Рима стало своего рода символом всеобщего умиротворения [2, р. 226]. Таким образом, римским завоеваниям придаётся моральное назначение — водворять мир. Идея «римского мира» становится с этих пор девизом римского владычества.

Именно в I—II вв. н. э. завершает своё долгое формирование так называемый римский миф — представление о Риме как о естественном центре ойкумены — Вечном городе (*Urbs Aeterna*), объединившем всё цивилизованное человечество и ставшем для всех народов единой родиной. Пропаганда подобных представлений стала частью государственной идеологии. Династия Антонинов активно эксплуатировала главные постулаты и идеи «римского мифа». Так, общегосударственное распространение приобрёл культ Вечного Рима (*Roma Aeterna*). Он являлся своего рода концентрированным выражением «римского мифа». С ним тесно переплетался императорский культ, выраженный в почитании живых принцев и в обожествлении с санкции сената умерших императоров. Этот культ получил развитие преимущественно в провинциях. Фигуры императоров обретали сверхчеловеческие черты, что вообще характерно для политических мифов [3, с. 185].

Персонажи мифологии, в том числе «римского мифа» (сами императоры, бла-

говорящие им божества, например Венера, Меркурий, Виктория или Фортуна, богиня Рома, сакральная атрибутика — орёл Юпитера, Капитолийская волчица, рог изобилия, земной шар и т. п.), часто изображались на монетах, выпускаемых Антонинами, особенно Антонином Пием [4, р. 158—180]. Легенды монет также пестрят эпитетами в контексте «римского мифа»: *Saeculum Aureum* («золотой век»), *Roma Aeterna* («Вечный Рим»), *Urbs Aurea* («Золотой город»). Особенное же распространение получает наименование *Urbs Aeterna* («Вечный город»). Это был центральный момент в культе Рима (его персонифицировала богиня Рома), эта же легенда часто встречается на римских монетах начиная с эпохи Антонинов. Исследователи полагают, что Рим назывался *Urbs Aeterna* со времён Адриана: при нём впервые была выбита соответствующая легенда на монете. Впоследствии этот эпитет стал официальным титулом Рима и часто применялся в императорских эдиктах [5, с. 41].

Развитие положений «римского мифа» во II в. н. э. можно наблюдать не только в действиях официальных властей, но и в общественной мысли того времени. При Антонинах оппозиционные ноты в литературе, распространённые в I в., окончательно замирают. Обличительная литература вытесняется панегириками, прославляющими «хорошего» монарха и благодетельную власть Рима. Ярчайшие образцы подобного рода литературы — панегирики Плиния Младшего и Элия Аристида [6—8]. Их главная идея — восхваление императора и единства процветающей империи.

Гай Плиний Цецилий Секунд (61—112), называемый Младшим, вёл активную частную и государственную переписку и составил торжественный панегирик императору Траяну. Прославление принцепса — отца отечества и подателя даящегося благополучия римлян — один из центральных сюжетов у Плиния. Так, обращаясь к Траяну, он неоднократно заявляет, что «бессмертные боги... поспешили поставить тебя, доблестного, у кормила государства», утверждает, что императору вручено попечение «о роде человеческого», к его груди «прижалось... потрясённое государство» (*Epist.*, X, 1, 1; 52, 1; 102; *Panegy.*, 6). Принцепс — это высочайшее положение, доступное людям (*Panegy.*, 7), а о Траяне говорится как о живом боге (*Epist.*, VIII,

4, 5). Император оберегает все народы, введенные ему, сближает Восток с Западом; он «подбрасывает плоды земные то туда, то сюда, кормит и спасает отрезанные от нас морями племена как неотъемлемую часть римского народа» (Panegy., 32). Деяния императора достойны самого громкого и активного воспевания. Так, Плиний говорит о дакийской войне Траяна: «най­дётся ли тема свежее, богаче, обширнее, поэтичнее и, наконец, при всей своей правдивости, сказочнее?» (Epist., VIII, 4, 1).

Установленный «римский мир» в полной мере осознаётся Плинием. Он рассуждает о «прочности нашего века», о том, что именно принцепс «принёс безопасность, дорожку всему человеческому роду», обеспечил «всем гражданам благополучие и невредимость», так что «все провинции доверяют и подчиняются нам» (Panegy., 34; 67; 32).

К подобным утверждениям не стоит относиться как исключительно к придворной лести: ко времени Плиния благодаря императорскому культу фигура императора уже приобрела сакральные черты, сам император стал не просто персонажем «римского мифа», гарантом наступившего золотого века и вечности империи.

Формируется устойчивая смысловая связь между личностью императора и могуществом Рима. Плиний пишет, что римлянами приносится обет «прежде за благополучие государей, а ради них и за вечность нашей империи»; эти понятия связаны воедино, причём вечность империи зависит от благополучия императора: «...если ты хорошо будешь управлять государством» (Panegy., 67). Главная молитва богам — о благополучии императора — заменяет молитву о мире и согласии, о безопасности, богатствах и почестях для граждан (Panegy., 94).

Кроме того, у Плиния очевидно уже сформированное представление об абсолютном характере императорской власти без того республиканского декора, который имел место, например, при Августе. Он неоднократно именуется императора *dominus* (владыка). Этот термин спустя менее чем два столетия станет официальным титулом. Император — это тот, «беспрекословной власти которого подчиняются моря и земли и от кого зависят мир и война» (Panegy., 4). Данная идеологема — краеугольный камень «римского мифа» в его завершённом виде.

Находит определённое отражение и идея о том, что Рим покорил все возможные земли, его держава носит вселенский характер. Плиний включает в Римскую империю всё человечество, всю ойкумену [Epist., X, 1, 2; 52, 1], т. е. весь мир, или, как выражались латинские авторы, *orbis terrarum* — «круг земель» (Panegy., 14). Римляне неоднократно именуется «народ-победитель» (Panegy., 31; 51). Это поистине великий народ, поскольку Римскую державу «создали древние и бессмертные [в памяти потомков] герои» (Panegy., 11).

Как на отклонение от нормы указывается на то, что враги некогда «возгордились и сбросили с себя ярмо подчинённости» (Panegy., 11), что варвары стали свидетелями проявлений слабости личности императора при Домициане (Panegy., 82). Напротив, естественный порядок вещей оказался восстановлен, когда при Траяне к врагам «вернулся великий страх и рвение исполнять наши приказания» (Panegy., 12). Победоносность и величие Рима рассматриваются как данность, как установление богов: «итак, мы опять принимаем заложников... и, победив, заключаем условия, не принимая на себя огромных затрат и тяжёлых обязательств. Они просят нас, умоляют; мы же или оказываем щедрость, или отказываем в ней и делаем то или другое благодаря могуществу нашей империи» (Panegy., 12).

Когда мы имеем дело с подобными рассуждениями римских авторов о величии Рима и установленном им всеобщем мире, необходимо иметь в виду несколько принципиальных особенностей римского сознания. Ещё Вергилий, создатель римского национального эпоса, в своей «Энеиде» поместил программные строки о провиденциальном предназначении Рима: «Римлянин! Ты научись народами править державно — / В этом искусство твоё! — налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» (Энеида, VI, 847—853). Смысл этих строк в том, что «мир» для римлян означал нечто совершенно отличное от современных представлений. Это должен был быть не итог переговоров и компромисса, но плод победоносной войны: поражение врага, его унижение и слом его духа [2, р. 227]. Римляне предпочитали (и усвоили как норму) диктовать требования мира поверженному врагу, но никогда не одобряли принятие чужих условий мира или даже ведение

переговоров о нём. В римской традиции закрепилось исключительное правило налагать мир, а не просить мира: *pacem dare*, а не *pacem petere* [9, p. 248].

Римские монеты подтверждают данную мысль: их регулярный сюжет — поверженные народы и коленопреклонённые цари [10, p. 83]. Однако для римлян целью войны было не просто поражение неприятеля и заключение мира; их устраивало лишь то положение, при котором вчерашние враги, приняв римские условия, становились так называемыми друзьями и союзниками Рима [11, p. 188].

В этом отношении преемник Домициана, Траян, представлял для Плиния (и для римского сознания в целом), по сути, идеал: он возобновил войны с даками, с которыми замирился его предшественник, поработил их и таким образом словно стёр пятно позора с репутации Рима, поставленное «ненормальным» миром Домициана (Panegyг., 11—12). Мир на границах империи и внутри самого государства в высшей степени зависел от того, как воспринималось римское военное могущество. Поэтому Плиний акцентирует внимание на том, что Траян принёс всеобщий мир и такие признания покорности со стороны врагов, что «в дальнейшем некого будет побеждать» (Panegyг., 16).

Престиж римлян в немалой степени основывался на максимальном принижении достоинства их врагов. Потенциальным соперникам было необходимо постоянно демонстрировать военную мощь и величие Рима и внушать им представление об их собственной слабости. Нормой для римлян считалось «судить иноземцев», а угрозы варваров усмирять «одним видом римских тог» (Panegyг., 56). Поддержание «римского мира» требовало недвусмысленных доказательств того, что никто не в состоянии противостоять могуществу Рима и что неминуемое поражение ждёт всякого, кто осмелится восстать против империи. Напасть на Рим, утверждает панегирист Плиний, — это безумная дерзость; атака римского войска подобна тому, как если бы на врагов восстала сама земля (Panegyг., 16).

Отсюда же вытекает и прямая связь между поддержанием престижа империи в глазах как собственных подданных, так и соседей и удивляющей в римлянах современного человека упрямой идеей о необходимости войн. И в этом отношении Плиний выступает как истинный римлянин: он превозносит тот факт, что император

ведёт войну — как наступательную, так и оборонительную — «ради сохранения достоинства нашей империи» (Panegyг., 17).

Преемственность рассмотренных выше идей, этих краеугольных камней «римского мифа», выраженных римлянином Плинием, мы находим у другого автора эпохи Антонинов — грека по происхождению, что говорит об утверждении подобных представлений в самых широких слоях населения Римской империи.

Прославление Рима и одновременно высокая оценка исторической роли римлян заключается в словах, которые им адресовал греческий оратор из Мисии Элий Аристид (117—181). Он произнёс свою знаменитую речь «Похвала Риму» (*Encomium Romae*) около 143 г., при Антонине Пии [12]. В ней автор, в отличие от Плиния, обращается не к императору, а к римлянам, и это не просто оценка Римского государства, но показатель того, какие черты римского управления позитивно воспринимались богатой и образованной элитой грекоговорящих городов восточной части Римской империи. Мнение Аристида, очевидно, опиралось на широко бытовавшие в провинциальной среде оценки, ибо вряд ли он стал бы писать свой панегирик, предназначенный для публичного чтения, если бы не рассчитывал на общественную поддержку и одобрение [13, с. 168]. Торжественная речь Аристида — это речь страстного римского патриота.

В «Похвале Риму» мы находим традиционные уже представления о всеохватывающем, вселенском характере Римского государства: владения римлян простираются повсюду, где проходит солнце, для них нет установленных кем-то пределов, одно лишь Средиземное море лежит в сердце цивилизованного мира, ставшего римским владением (*Encom. Rom.*, 10). Теперь границы империи расширились до таких пределов, что невозможно измерить территорию державы. Красное море, нильские пороги и Меотида, которые прежде считались лежащими на краю земли, теперь стали похожи на дворовую изгородь, примыкающую к дому — Риму. Аристид приводит даже поэтическую гиперболу: римляне, по его словам, исследовали даже Океан, так что не осталось ни одного неизведанного острова (*Encom. Rom.*, 28). «Вы возвели стены, величественные и достойные вас... за удалённейшим рубежом культурного мира», и путь к ним займёт «месяцы и годы» (*Encom. Rom.*, 80—81).

Таким образом, Аристид говорил о римской ойкумене как о едином полисе. Удачную характеристику этой мысли приводит Б. Кассен: «Рим — это мир... О нём нельзя сказать, как о других городах: “он — здесь”... ибо нет у него, словно у моря, положенных ему пределов... Нет больше границ, нет городских стен, точнее, стены окружают отныне не город, но власть, империю, и это не камень, но люди, римские легионы, стоящие на краю света... Ойкумена, обитаемый мир, в таких обстоятельствах сокращается настолько, что она становится как один *oikos*, один дом... даже как один двор или сад. Рим — это мир, но и сам мир уменьшается до ничтожных размеров» [14, с. 88].

Впрочем, панегирист специально подчёркивает, что Рим объединил в своей державе всё культурное человечество: «словом “империя” я обозначаю весь культурный мир» (Encom. Rom., 59). Показатель истинного величия римлян — это управление не пустынными пространствами, а городами и заселёнными территориями: «в то время как прочие цари правили пустынными краями да крепостями, вы одни властвуете над культурными полисами» (Encom. Rom., 93).

Однако для Аристида главная задача — прославление не грандиозного расширения границ империи, а той организующей, интегрирующей роли, которую сами римляне объявляли целью своих завоеваний, и восхваление нового порядка, позволяющего провинциям (прежде всего грекоговорящему Востоку) чувствовать себя не поработёнными врагами, а значимой частью единого государственного организма. В самом деле, только римляне встали на путь интеграции завоёванных народов, подтягивания их до того уровня цивилизации, которого достигли сами. Восприятие провинций как части единого целого, в частности, нашло отражение на монетах при Адриане [10, р. 83].

Рим, по словам Аристида, был центром притяжения для всех своих провинций; город стал общим рынком для всего мира, «а чего нельзя найти здесь, того нет и никогда не было» (Encom. Rom., 11—13). Аристид говорит о культурно-цивилизаторской миссии римлян: «Вы измерили земли всего культурного мира, протянули мосты через реки, прорубили дороги в горах, оживили пустоши почтовыми станциями; вы приучили все области к оседлому и правильному образу жизни» (Encom. Rom., 101).

Главная идея Аристида — процветание

Рима, превратившего в единый полис всю вселенную. Добиться же этого римляне смогли с помощью открытия для провинциалов доступа к римскому гражданству. Этот принципиальный момент Аристид подчёркивает снова и снова. Гражданство — вот, что заслуживает внимания и прославления больше, чем всё остальное, — «величественное гражданство», подобного которому не найдётся в истории (Encom. Rom., 59). Лучших людей римляне приобщили к своему гражданству, остальных превратили в союзников под своим владычеством. Моря и земли, Азия и Европа — не препоны для распространения римского гражданства: «в вашей империи все пути открыты для всех» (Encom. Rom., 60).

В первые века империи начал складываться её единый правящий слой, в который включались и состоятельные провинциалы. Многие представители провинциальной элиты получали римское гражданство [15, р. 18]. Именно о такой социальной политике императоров говорит Аристид: «не поселится в империи зависть, ибо вы первыми отринули её, любые блага открыв для всех» (Encom. Rom., 65). «Вы сделали слово “римлянин” знаком принадлежности не к городу, а к одному народу, не одному из многих, но превосходящему все остальные», и «теперь вы делите мир не на эллинов и варваров... а на римлян и неримлян. Вот до каких пределов вы расширили имя своего города» (Encom. Rom., 63).

Аристид настойчиво подчёркивает открытость Рима провинциалам: «вы не забываете о стенах, но обводите ими империю, а не город» (Encom. Rom., 80); «вы стали проводниками для всех, вы широко распахнули врата культурного мира... вы издали общие для всех законы... и вы превратили весь мир в одну семью» (Encom. Rom., 102). К середине II века н. э. Аристид мог смело утверждать, что греки тоже причастны к «римскому имени», и он подчёркивает высокий статус последнего. Местная элита становится одной из опор императорской власти в провинциях: для римлян более «нет нужды в гарнизонах, чтобы удерживать крепости: мужи высокого положения в каждом городе охраняют для вас своё отечество» (Encom. Rom., 64).

Подобные мысли, помимо прочего, закрепляли традиционный для имперской эпохи космополитизм, представление о Риме как общем отечестве для всех наро-

дов. Аристид восторженно говорит о том, что имя римлянина перестало быть принадлежностью только одного города Рима, как это было прежде, но стало достоянием всего человеческого рода: «это ведь именно вы наилучшим образом доказали утверждение о том, что земля является для всех матерью и общим отечеством» (Encom. Rom., 100).

Особая заслуга римлян в глазах Аристида и одновременно признак величия современной ему эпохи это расцвет городской жизни: «Ибо когда ещё было столь много городов и в глубине страны, и на побережье и когда ещё были они так прекрасно снабжены всем необходимым? Разве когда-либо доводилось кому-нибудь путешествовать по державе так, как мы, ежедневно прибывая в города, а иногда проезжая за день два-три города, как если бы они были частью одного?» (Encom. Rom., 93).

Говорит Аристид и о «римском мире», понимая под ним наступившую эпоху безопасности, стабильности и благоденствия. Многочисленные города сияют блеском и красотой, вся земля цветёт, как возделанный сад, повсюду — празднества и изобилие, и «остаётся лишь сочувствовать тем, кто неподвластен вам, если такие в самом деле есть, поскольку они лишены всех этих даров» (Encom. Rom., 99). Римское имя гарантирует безопасность и неприкосновенность (Encom. Rom., 100). Войны больше не ведутся, а рассказы о них стали для всех мифами (Encom. Rom., 70). Далее восхищённый Аристид подводит своеобразный итог: «Так велик ваш мир, хотя вы издревле воевали» (Encom. Rom., 71a).

Аристид подчёркивает слаженное и эффективное управление государством. Император — это «великий правитель» (Encom. Rom., 28, 108), управляющий всем цивилизованным миром из столицы с помощью своих посланий, которые доставляются с удивительной быстротой (Encom. Rom., 33). Аристид восклицает, обращаясь к римлянам: «Все прекрасные, почтенные ваши принципы и учреждения постоянно, непрерывно всё более и более укрепляются и утверждаются... И великий почтенный правитель ваш, как хороший борец, настолько превосходит своих предшественников, насколько... он сам выше остальных... Справедливо и законно всё, что он ни постановит» [Encom. Rom., 107, 108].

Однако перед нами предстаёт пусть и блестяще организованное, но при этом то-

талитарное государство, уже бесконечно далёкое от полисной демократии: полисы продолжают существовать, но граждане их, точностью исполнения превосходя хор, произносят один звук — выполняют все предписания императора (Encom. Rom., 28). Этот тоталитарный сюжет удачно охарактеризовал современный российский философ Р. М. Ганжа: «весь обитаемый мир запекает одну ноту и держит её; в мире всё свершается по одному мановению руки, как если бы достаточно было просто “защипнуть струну”; это безмолвный мир безграничных единообразных пространств, по которым в строгом порядке циркулируют лишённые всякой двусмысленности знаки имперской власти, гигантская белая страница, заполненная правильными шеренгами чёрных букв» [16]. Это — тоталитарная, довлеющая над всеми Империя.

Превосходство римлян для грека Аристида неоспоримо: до них не было поистине великих держав, ибо «что касается военной науки, то по сравнению с вами все остальные кажутся малыми детьми... Насколько же вы превосходите всех протяжённостью вашей империи и прочностью... управления» (Encom. Rom., 87, 92). Миссия Рима видится провинциальному панегиристу в следующем: «вы показываете людям блага искусств и ремёсел и устанавливаете повсюду прекрасный порядок» (Encom. Rom., 81).

Аристид пророчит Римскому государству непоколебимое и бесконечное существование: «время, назначенное империи, — это вечность». Империи и городу Риму стоять до тех пор, пока «камни не поплывут по морю и не перестанут деревья распускаться весной», а этому никогда не бывать (Encom. Rom., 108).

Вывод. Панегирик Риму Элия Аристида следует признать кульминационным пунктом в развитии идей «римского мифа» в литературе. В нём отражены представления о вселенском охвате Римского государства, о величии императора — его гаранта и охранителя, о вечности Рима, его благотворной и цивилизующей миссии. Гораздо позднее, в IV—VI вв., данные представления, господствовавшие в идеологии «века Антонинов», оформились в «идею Рима» — концепцию священной, вечной и грандиозной внеисторической империи с центром в Риме как высшей и единственно возможной формы организации человеческого общества.

Список использованной и цитируемой литературы

1. Гиббон, Э. История упадка и крушения Римской империи / Э. Гиббон. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 704 с.
2. *Rosenstein, N. War and Peace, Fear and Reconciliation at Rome* / N. Rosenstein // *War and Peace in the Ancient World* / Ed. Kurt A. Raaflaub. — Blackwell Publishing, 2007. — 385 p.
3. Полосин, В. С. Миф. Религия. Государство / В. Полосин. — М. : Ладомир, 1999. — 440 с.
4. *Constan, C. Roman Imperial Coins* / C. Constan, C. Fuster. — Madrid : Graficinco S. A., 1996. — 437 p.
5. Грегоровиус, Ф. История города Рима в Средние века / Ф. Грегоровиус. — СПб. : Типография Альтшулера, 1902. — Т. 1. — 435 с.
6. *Плиний Младший. Панегирик императору Траяну* // *Письма Плиния Младшего* / отв. ред. А. И. Доватур. — М. : Наука, 1982. — 407 с.
7. *Плиний Младший. Письма. Книги I—X* // *Письма Плиния Младшего* / отв. ред. А. И. Доватур. — М. : Наука, 1982. — С. 5—211.
8. *Элий Аристид. Похвала Риму* / Элий Аристид // *Священные речи. Похвала Риму*. — М. : Ладомир; Наука, 2006. — С. 125—274.
9. *Barton, C. A. The Price of Peace in Ancient Rome* / C. A. Barton // *War and Peace in the Ancient World* / Ed. Kurt A. Raaflaub. — Blackwell Publishing, 2007. — P. 245—255.
10. *Howgego, C. Ancient History from Coins* / C. Howgego. — London; New York : Routledge, 1995. — 176 p.
11. *Arendt, H. On revolution* / H. Arendt. — New York : Viking Press, 1963. — 343 p.
12. *Aelius Aristides. To Rome Aelius Aristides* // *The Roman World* / Ed. D. Cherry. — Oxford : Blackwell Publishing, 2001. — P. 167—172.
13. Сердюкова, С. Г. Правление Антонина Пия. К проблеме адаптации в императорский период / С. Г. Сердюкова // *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире : сб. науч. ст. / под ред. проф. Э. Д. Фролова*. — СПб. : Изд-во СПГУ, 2002. — 212 с. — С. 159—168.
14. Кассен, Б. Эффект софистики / Б. Кассен. — М. : Университетская книга; Московский философский фонд, 2000. — 238 с.
15. *Perkins, J. Roman Imperial Identities in the Early Christian Era* / J. Perkins. — London; New York : Routledge, 2009. — 212 p.
16. Ганжа, Р. М. Наброски к критике государственного разума / Р. М. Ганжа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/2/2004_2_37.html. — Дата доступа: 12.10.2009.